

Восхитительно отвратительно

Рон Муек в парижском Fondation Cartier

Комиссерский В. - 2006 - 7 фев. - с. 22.

В Париже проходит выставка одного из самых известных современных художников, 47-летнего австралийца Рона Муека. Парижане выстаивают очереди, чтобы увидеть пять скульптур, сделанных специально для Fondation Cartier. Выставка после Франции отправится в Эдинбург, Нью-Йорк и Оттаву. Приезда ее в Москву мы в обозримом будущем не дождемся, поэтому в Париж отправился корреспондент „Ъ“ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ.

Fondation Cartier, одно из лучших зданий, построенных Жаном Нувелем, просвечивает насквозь. Всего пять вещей. На всю выставку могло бы хватить и двадцати минут. Но люди стоят и стоят, не спеша уходить, и постепенно в залах становится тесно. Над их головами сидит на исполинской табуретке Wild Man, четырехметровый голый бородач с чистой розовой кожей, его грудь и ноги в волосах, его ягодицы впечатаны в сиденье табуретки, его обрезанный, размером с ананас, член смотрит на посетителей с тем же удивлением и ужасом, что и его хозяин. Глаза великана широко раскрыты, так паялился бы любой из нас, оказавшись голым на табуретке посреди выставочного зала — как же я сюда попал, чуваки, что же я здесь делаю, люди?

С победительной улыбкой на белого дикаря взирает гигантское распылившееся в улыбку чернокожее лицо с белками глаз и толстыми губами, жилки на которых похожи на обнажившиеся сосновые корни. Это Mask III — такой маской волшебник Изумрудного города мог пугать маленькую девочку Элли. Контрастом к великанам — пара 60-сантиметровых карликов Spooning Couple, мужчина и женщина, скорчившиеся, лежащие рядом, действительно как чайные ложечки, убогие, маленькие, голые. В соседнем зале

Женщина Рона Муека изумленно смотрит на докучливых посетителей — мы бы тоже удивились, проснувшись в толпе карликов ФОТО AFP

— огромная женщина, лежащая под одеялом исполинской (6,5 на 4 метра) кровати, даже не смотрит на обступивших ее посетителей (In Bed). Как и Two Women, две крошечные сморщенные старушки, остановившиеся поговорить, — в платяцах, которые можно найти на кукольных лотках блошиных рынков либо в очень модных магазинах детской одежды.

Рон Муек родился в 1958-м в Мельбурне, у его семьи германские корни. Мальчик с детства играл в куклы, причем в куклы собственного производства. В 1986-м он начал работать в Лондоне, придумывая телевизионных персонажей для «Улицы Се-

зам» и «Мuppet-шоу». Потом Рон Муек создал собственную фирму, производившую кукол для рекламных роликов или спецэффектов в кино. В современное искусство его привел великий галерист и коллекционер Чарльз Саачи. На одной из выставок он увидел куклу Пиноккио, которую Муек сделал для своей мачехи, известной художницы Полы Рего. Кукла всего лишь служила моделью для ее картин, но Саачи обратил внимание не на Рего, а на Муека и заказал ему скульптуры для своей коллекции.

Через год Муек принял участие в сенсационной «Сенсации» в Королевской академии искусств среди пяти молодых него-

дзев из галереи Саачи, которые отныне были назначены надеждой нового британского искусства. Надежду они вполне оправдали — не было более шумных скандалов, чем те, которые провоцировали мадонна из словного помета Криса Офили, сросшиеся восковые подростки братьев Чапменов, побиваемый метеоритом папа римский Маурицио Кателана или кровать Трейси Эммин, усыпанная презервативами. На «Сенсации» Рон Муек показал скульптуру Dead Dad — восковую персону только что умершего отца своего, беспощадный слепок с трупа, который можно было равно счесть плодом холодной ненависти

или безутешной любви. В сущности, Рон Муек делает очень простые вещи. Буквально искусство для детей — недаром в Fondation Cartier специально предупреждают: держите детей за руку, хуже будет. Но взрослые ведут себя не умнее детей, хотя парижане привыкли к музеям восковых фигур. Существа Муека изменили масштаб, сделавшись либо гномами, либо великанами. Это фантастически эффективный ход — мы привыкли доверять своим чувствам, мы носим с собой линейку собственного тела, которым давно (пядь, локоть, сажень) измеряем все вокруг. Человек 3 метров 80 сантиметров не укладывается ни в ка-

кой жизненный опыт, лишь в опыт художественный, заставляя вспоминать Циклопов, Гаргантюа, Людоода из «Мальчика-с-пальчика». Нас не удивит кинематографический Хагрид из «Гарри Поттера», но мы не готовы встретиться с ними в реальной жизни, когда перед ними не персонажи из сказки, а несовершенные, некрасивые, обыкновенные люди из плоти и крови, такие же, как мы, только уж очень большие и противные. Или уж очень маленькие. Эта игра с масштабом нокаутирует наше чувство пространства.

Муека можно, конечно, поставить в ряд с американскими гиперреалистами, выписывавшими на огромных полотнах лица до последнего волоска в ноздре, или с американским скульптором Джорджем Сегалом, расставлявшим своих отлитых один к одному людей в городах и в музеях, но там мера условности была изрядной. Рон Муек не признает условностей — старческая кожа, прыщи на подбородке, пигментные пятна, волосы и родинки. Раскрашенный в телесный цвет и поросший диким волосом микеланджеловский Давид из Пушкинского музея лишь в малой степени произведет такое же впечатление, как усталая после сна растрепанная тетка размером с корову.

Раньше Рон Муек работал со стекловолокном, его скульптуры отливались как корпуса яхт. Теперь он предпочитает силиконовую кожу, резину, масляную живопись, представая на видеозаписях своей работы карикатурой то ли на доктора Франкенштейна, то ли на самого Господа Бога, который сверлит своим созданиям дырочки для волос. Возглас «это просто отвратительно!» — общая реакция на его новую выставку, но в нем звучит гораздо больше восхищения, чем отвращения.